

Альбина Шакирова

Тёмная ведьма

Альбина Азатовна Шакирова

Тёмная ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72935572

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хочет оставаться доброй, несмотря на тёмный дар. Она верит в любовь, хотя мир магии полон опасностей. Ей предстоит раскрыть страшную тайну школы – и не потерять себя.

Когда в коридорах прозвучит первый крик, Айла поймёт: её выбор был сделан задолго до неё.

Почему стоит прочитать «Тёмную ведьму»?

Во-первых, книга погружает в атмосферу романтического фэнтези: волшебная школа посреди соснового бора где-то в России, окружённая мистическими существами славянской культуры, создаёт неповторимый колорит и затягивают в сюжет с первых страниц.

Во-вторых, роман затрагивает важную психологическую тему – принятие себя. История будет близка тем, кто ищет свой путь и пытается понять, кто они в этом мире. В-третьих, любовная линия главной героини раскрывает сложность человеческих взаимоотношений.

Дорогие читатели, помните: прежде всего – цените себя. Именно с этого начинается настоящая магия.

Содержание

Пролог	4
Глава:1 “Гость из Часовой школы”	15
Глава:2 “Тени невысказанных слов”	28
Глава:3 “Когда любовь становится магией”	50
Глава:4 “ Одна сторона монеты”	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Альбина Шакирова

Тёмная ведьма

Пролог

Всё началось с дружбы – и маленького города, где-то в северной глуши России.

Две подруги вышли замуж и ждали своих первенцев. Ай-ла родилась в январе – в самый разгар зимы, когда земля казалась мёртвой под толщей снега. А Никита появился на свет лишь через три месяца – в апреле, когда всё вокруг уже тянулось к солнцу.

«Мы как два семени, посаженные в разное время, но растущие рядом», – часто говорили наши мамы. И в этом была вся суть: несмотря на три месяца разницы, нас будто высадили из одной горсти земли, чтобы мы росли бок о бок.

Наши мамы заранее строили планы: представляли, как будет проходить наша жизнь, даже купили дома по соседству. Папы не возражали.

Но в наших семьях были и необычные обстоятельства. Мы обладали магическими способностями. Правда, унаследовать их от родителей мы не могли – и в этом таилась тихая загадка, которую каждый ребёнок нёс в себе до поры до времени.

Магия в нашем мире не просыпается с первым криком младенца. Она не передаётся по наследству, как цвет глаз или родинка на щеке. Она дремлет – словно семя в глухой земле, – и ждёт своего часа.

Почему именно тринадцатый день рождения? На этот счёт ходили легенды.

Старшие рассказывали, что в тринадцать лет душа человека становится достаточно глубокой, чтобы вместить в себя магию. Словно чаша, которая до этого была мала, наконец обретает форму и объём. «Ты ещё не взрослый, но уже не ребёнок, – шептала мне бабушка. – В этом пограничье рождается сила».

Другие верили, что всё дело в луне. В год, когда ребёнку исполняется тринадцать, луна проходит через особые фазы – семь полных лун, каждая из которых пробуждает один из скрытых потоков магии. И в день рождения последний поток вливается в душу, завершая узор.

Были и те, кто говорил о «первом пороге». Считалось, что до тринадцати мир держит ребёнка за руку, а после – отпускает. И тогда сама земля шепчет: «Теперь ты можешь».

До тринадцати лет мы оставались обычными детьми. Мы падали с велосипедов, плакали из-за двойки по математике, прятали под подушкой дневники с признаниями. Но где-то внутри, невидимо и неслышно, росла другая жизнь – та, что ждала своего часа.

Родители лишь угадывали, какая магия проснётся. Они

присматривались к нашим привычкам: любит ли ребёнок воду, тянется ли к растениям, видит ли сны, которые потом сбываются.

И потому тринадцатый день рождения в наших краях встречали не как обычный праздник. Это был день, когда мир словно задерживал дыхание. Не для испытания – а для чуда. Для того самого мгновения, когда ты впервые понимаешь: ты – больше, чем казался себе вчера.

Утро 13 января было похоже на затянутую льдом реку: снаружи – тишина и холод, а где-то глубоко внутри – движение, напряжение, предчувствие прорыва.

Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как в груди нарастает что-то неуловимое. Сегодня мне тринадцать. Сегодня – день, когда я узнаю, есть ли во мне сила. Но как она проявится? Что я должна почувствовать?

Вопросы кружились, как снежинки за окном, но ответов не было. Я могла бы пролежать так весь день, погружённая в тревожные раздумья. Но вдруг – стук в стекло.

На мгновение сердце сжалось от испуга. Кто это? Но почти сразу я успокоилась: только один человек мог так поступить.

Никита.

С трудом поднявшись, я подошла к окну. На той стороне – маленькая красная коробочка с бантом. Неуклюжим, но таким милым. Я открыла форточку, взяла подарок в руки и чуть высунулась наружу, пытаюсь разглядеть того, кто сту-

чал. На толстом слое снега – лишь следы: кто-то упорно пробирался через сугробы.

Зима на севере сурова, но Никиту не остановили ни мороз, ни метель. Он пришёл поздравить меня первым. От этой мысли на губах невольно появилась улыбка. Я поспешно закрыла форточку, чтобы не замёрзнуть, и вновь обратила внимание на коробочку.

Сняв крышку, я увидела маленький кулон на тонкой цепочке. На нём было выгравировано: «Ведьма».

Другая на моём месте, возможно, обиделась бы. Но для нас это – тайное слово. Никита часто называет меня ведьмой, хотя сам – ведьмак. Правда, мы ещё не знаем об этом наверняка. Даже если мои родители – волшебники, это не значит, что я тоже обладаю магическими способностями.

Я достала цепочку из коробочки – и тут же из неё выпорхнула маленькая бумажка, упав к моим ногам. Не успев наклониться, я уже увидела текст.

И тут же покраснела. Щёки пылали, сердце сжалось. На бумажке было написано: «Будешь ли ты со мной встречаться?»

От удивления я отпрянула назад, едва не упав на кровать. Еле удержавшись, оглянулась на зеркало напротив. Глаза – огромные, щёки – румяные, будто я целый час провела на морозе.

Но в тот же миг я поняла: сегодня не просто начнётся новая жизнь. Сегодня – новый этап в наших отношениях с Ни-

китой.

Широко улыбнувшись своему отражению, я показала все ровные, красивые зубы. Затем взяла новое украшение и надела на шею.

Постояв минуту перед зеркалом и убедившись, что лицо пришло в норму, я выхожу из комнаты и направляюсь в ванную. Быстро умываюсь, принимаю душ и наношу лёгкий макияж – всё-таки сегодня мой день рождения, и я хочу выглядеть особенно хорошо.

Не успеваю вдоволь полюбоваться собой в маленьком зеркале над раковиной – в дверь яростно стучат. Только один человек способен так неугомонно ломиться туда, где закрыто: мой младший брат. Впрочем, ему можно это простить – ему всего семь лет.

Не выдержав шума, я резко открываю дверь и смотрю вниз – на брата.

– Амир! – вскрикиваю я.

В мыслях я часто называю его «мини-человеком» – он заметно ниже меня.

– Ты не мог бы набраться терпения? – со вздохом спрашиваю я.

Он лишь фыркает, отталкивает меня и врывается в ванную с таким грохотом, что, кажется, слышит весь дом. Как только дверь захлопывается, из-за неё раздаётся громкое:

– С днём рождения!!

Мне остаётся только тяжело вздохнуть и отправиться на

кухню, где уже ждёт мама.

Она ещё не видит меня. Я останавливаюсь в дверях и наблюдаю, как мама готовит завтрак – мои любимые блинчики. Почему-то именно сейчас мне особенно хочется разглядывать её. Замечаю, как аккуратно уложены её короткие тёмные кудри – цвета горького шоколада. Смотрю на тонкие изящные пальцы с красным маникюром, на длинные ресницы, подчёркнутые тушью. Нет слов, чтобы описать красоту моей матери.

Она – ведьма, и потому стареет очень медленно. Кажется, будто ей не 34, а вот-вот исполнится 18. От её красоты мне достался только цвет волос; в остальном мы совершенно не похожи.

Наконец мама замечает меня и широко улыбается:

– Привет, красотка! Давай садись, поскорей завтракать. Нам ещё нужно приготовить ужин на твой день рождения – я позвала Руслана и Алёну.

Я прерываю её, не давая продолжить: она говорит о родителях Никиты. Стараюсь отогнать ненужные мысли и сажусь за кухонный стол напротив мамы.

Я не встаю из-за стола практически до самого вечера – мы готовим мои любимые блюда для скромного праздника в честь дня рождения. Мы не бедствуем совсем, но на шикарное торжество точно не можем себе позволить. В нашем доме каждая монета на счету: мама трудится в аптеке, где умело сочетает обычную работу фармацевта с тайным при-

готовлением целебных зелий, а папа чинит машины в автопарке за скромную плату. Они никогда не жалуются, но я вижу, как мама откладывает ремонт в комнате Амира, а папа носит один и тот же плащ уже третий год.

До прихода гостей остаётся час, и мне нужно быстренько привести себя в порядок и нарядиться как можно симпатичнее. К сожалению, выбирать не приходится: у меня всего одно-единственное платье – простенькое, из хлопковой ткани, с коротким рукавом и незамысловатой вышивкой по вороту. Со вздохом я смотрю на него – и только собираюсь снять с вешалки, как дверь в комнату открывается. Входит мама.

В её руках – новое платье. В глазах тут же набухают непрошенные слёзы. Я не в силах вымолвить ни слова – только разглядываю его.

Мама, Аиша, улыбается тёплой, ласковой улыбкой:

– В этой суете я совсем забыла тебя поздравить, – говорит она, наклоняется и целует меня в щёку. Затем шепчет на ухо: – К твоему новому кулону... Это ведьмино платье – оно будет идеально смотреться. Скоро время твоего рождения, и, смотря какая сила к тебе прибудет, оно поменяет цвет.

Она игриво подмигивает и выходит, оставив платье на ручке двери.

Я медленно подхожу и беру его в руки. Ткань словно живёт собственной жизнью – не просто атлас цвета лунного серебра, а будто сотканный из предрассветного тумана, пронизанного первыми бликами зари. При каждом движении пла-

тье переливается, и кажется, будто по его поверхности пробегают призрачные волны – то ли отражение далёкого северного сияния, то ли дыхание самой магии.

Вырез платья – скромный, округлый – обрамлён тончайшим кружевом. При внимательном взгляде в ажурном плетении угадываются рунические символы: едва заметные, они словно спят в ткани, но стоит прикоснуться – и под пальцами ощущается едва уловимое тепло, будто в каждой петле затаилась искорка древней силы.

Рукава – три четверти, с лёгкой сборкой у плеч, придающей силуэту воздушность. На манжетах пришиты крошечные колокольчики – не для красоты, а как тайный оберег.

Я осторожно надеваю платье. Оно словно обнимает меня, даря ощущение невесомости. В зеркале отражается девушка, которую я едва узнаю: в этом наряде я выгляжу... иной. Не просто Айлой из северного городка, а кем-то большим.

– Оно прекрасно, – шепчу я, проводя рукой по атласной ткани. – Спасибо, мама.

В этот момент из коридора доносится звонкий голос Амира:

– Айла! Гости уже приходят!

Я делаю глубокий вдох, последний раз смотрю на своё отражение и выхожу навстречу дню, который изменит всё.

Стоит мне только выбежать навстречу гостям – и в сердце что-то пронзает. Голова начинает кружиться; я моргаю, смутно различая перед собой Никиту. Он что-то говорит, но

слова не доходят до сознания. Его голубые глаза полны растерянности.

Я чувствую, как к горлу подступает тошнота. И вместе с этим – что-то новое, незнакомое, пробуждающееся внутри. Ноги подкашиваются; я падаю на колени, не в силах нормально дышать. Вокруг суета, голоса сливаются в неразборчивый гул: «Что это? Что с ней?» – но я их не слышу.

Только одно ощущаю отчётливо: по моим венам течёт горячая жидкость. Я даже вижу это – мои вены светятся, будто по ним струится расплавленное серебро, переливаясь и пульсируя. Это магия. Она пробудилась.

С трудом приходя в себя, цепляясь за обрывки сознания, я опускаю взгляд на платье. И замираю.

Моё лунное платье, ещё недавно переливавшееся серебром, стало похоронно-чёрным.

Мир рушится в одно мгновение.

Я стала тёмной ведьмой.

Когда сознание полностью возвращается, я оглядываюсь. На лицах родителей – не только страх, но и боль. Никита отступает на два шага, его взгляд полон растерянности.

– Нет, – вдруг слышу я мамин голос. Он звучит твёрдо, почти резко. – Это не проклятие. Это – дар.

Она опускается рядом со мной на колени, берёт мои руки в свои. Её ладони тёплые, уверенные.

– Тёмная магия – не зло, Айла. Это лишь другая сторона равновесия. Как ночь нужна дню, как тень дополняет свет.

Ты не стала плохой – ты стала другой.

Папа делает шаг вперёд, его лицо больше не кажется отстранённым.

– Мы всегда знали, что твой путь может быть непростым, – говорит он тихо. – Но мы здесь. Мы с тобой.

Никита медленно подходит ближе. Его глаза всё ещё широко раскрыты, но в них больше нет страха – только решимость.

– Я не боюсь, – произносит он твёрдо. – Я с тобой, Айла. Что бы это значило.

Мама мягко улыбается, проводит рукой по моим волосам.

– Ты не одна. И твоя сила – не угроза. Это инструмент. И ты сама будешь решать, как его использовать.

Я чувствую, как паника отступает, сменяясь странной, тёплой уверенностью. Да, всё изменилось. Но это не конец – это начало.

Тёмная магия течёт по моим венам, но она не владеет мной. Я владею ею.

– Я справлюсь, – говорю я, и мой голос звучит тише, но твёрже, чем раньше. – Я буду осторожна. Я буду добра. И я не позволю страху взять верх.

Мама крепко обнимает меня, и на мгновение мир снова становится цельным.

– Вот и хорошо, – шепчет она. – Вот и правильно.

Где-то вдаль, за стенами дома, ветер меняет свой голос. Теперь он не воет – он поёт. Он приветствует меня.

Я – тёмная ведьма. И я буду той, кто хранит равновесие.

Глава:1 “Гость из Часовой школы”

Три года прошло с того дня, когда я узнала, что я – тёмная ведьма.

Август. Скоро новый учебный год. Я сижу на подоконнике, глаза опухли от слёз. За стеклом – раскалённый воздух северного городка.

Взгляд сам тянется к дому Никиты. Моего парня. После моего дня рождения мы узнали: он – светлый ведьмак.

«Добро и зло встретились, – думала я тогда. – И полюбили друг друга. Судьба?»

Но судьба, как всегда, с подвохом.

Его семья может оплатить обучение. Моя – нет.

Школа магии сама находит тех, в ком проснулась сила. В день рождения приходит письмо. Никита получил своё. И я тоже.

Он уехал. Я осталась.

Мама учит меня только одному – сдерживать магию. Не выдавать себя.

Моя жизнь теперь – это школа днём и мастерская отца по вечерам.

После уроков я надеваю засаленный комбинезон и помогаю ему чинить машины. Запах масла и металла стал привычным. Руки в царапинах, под ногтями – чёрная грязь. Но каждая заработанная копейка идёт в «магическую копилку»:

на редкие книги, ингредиенты, старые манускрипты. Отец не спрашивает, зачем мне деньги. Просто кивает, когда я забираю свою долю.

Никита приезжает на каникулы – и каждый раз он другой.

В первый год он восторженно рассказывал обо всём: о залах с плавающими свечами, о преподавателях, чьи лица меняются каждый день, о заклинаниях, которые звучат как шёпот ветра. Мы сидели во дворе, он показывал мне жесты, объяснял теории. Я записывала, запоминала, пробовала повторять.

На второй год его рассказы стали короче. Он всё чаще замолкал на полуслове, будто вспоминал, что мне нельзя знать больше. «Это не моя тайна», – говорил он, отводя взгляд.

Сейчас, в третий год, между нами повисли несказанные вопросы. Он не рассказывает о своих однокурсниках, об экзаменах, о том, что происходит в школе после заката. Я чувствую: там что-то скрывают. Что-то важное.

Но мы всё ещё держимся друг за друга.

Когда он берёт мою руку, я чувствую тепло – и это теплее любых заклинаний. Когда он смотрит на меня, в его глазах нет страха перед моей тьмой. И это держит меня на плаву.

Просидев пару минут, я поняла: так дальше дело не пойдёт.

Сорвавшись с подоконника, выбежала из комнаты и помчалась к входной двери. Только я положила руку на ручку и начала её поворачивать, как вдруг замерла.

Сначала пришла тревога – тихая, вкрадчивая, словно шёпот ветра в пустых коридорах. Я даже не сразу поняла, откуда она взялась. Но стоило мне увидеть фигуру в дверном проёме, как тревога обернулась ледяным страхом, сковавшим горло.

На моём пути стоял высокий мужчина. Его вид внушал страх – не уродством, а какой-то первозданной силой. Ростом почти два метра, с чёрными волосами, зачёсанными назад. Виски выбриты, скулы резко очерчены, глаза – холодные, строгие. Кожа бледная, но губы выделялись насыщенным алым цветом.

С первого взгляда можно было подумать, что он молод. Но искорки в глазах говорили об обратном: этот человек прожил достаточно долго.

Одет он был странно – в костюм, будто из другого века. Полностью чёрный, если не считать белоснежной рубашки. В такую жару – нелепо. Но я тут же отогнала эти мысли.

Сделав два шага назад, я вглядывалась в незнакомца, ошарашенная его появлением. Что-то подсказывало: он не простой человек. Я чувствовала это магией – тёмная сила внутри меня зашевелилась, зашептала предостерегающе: «Он не человек. Смотри внимательнее. Чувствуй».

Вампир? – пронеслось в голове.

Я попыталась уловить его запах – ничего. Ни пота, ни кожи, ни крови. Только лёгкий аромат старины, как от старых книг в заброшенной библиотеке.

Когда я перестала его разглядывать, мне показалось, что в его глазах вспыхнул красный огонь. Но, моргнув, я увидела лишь прежние серые радужки.

Он ухмыльнулся, слегка оскалив клыки. Моё сердце замерло.

«Точно вампир», – кольнуло внутри. Тёмная магия пульсировала в венах, будто пытаюсь защитить меня, выстроиться в щит.

– Айла, – произнёс он строго и холодно, – по твоему взгляду я вижу, что ты догадалась, кто я такой.

Я не ответила. Внутри всё дрожало.

– Я здесь, чтобы забрать тебя в свою школу. По особому поручению. За тебя ручается один клан ведьм. Но я бы объяснил тебе подробнее, если бы ты впустила меня. Конечно, если твои родители не против.

Моё тело словно окаменело. Заберёт в школу? Мысли разлетелись в разные стороны. С одной стороны – безграничное счастье. С другой – жгучее недоверие. А если он врёт? Вампирам особо доверять нельзя.

Я видела вампира лишь раз в жизни – это был близкий друг моего отца. Больше я ничего не знала об этом виде, кроме того, что читала в книгах и в интернете.

Не могу его впустить без одобрения родителей. Я точно не знаю, кто он...

Мы стояли так полминуты, замершие в напряжённом молчании. И вдруг за широкой спиной незнакомца я заметила

силуэт.

Никита.

Он стоял достаточно далеко – перед своим домом. Но по его глазам было видно: он растерян. Он понимал – происходит что-то не то.

В следующую секунду Никита исчез – явно с помощью магии – и тут же возник прямо передо мной, напротив незнакомца. Я отшатнулась от неожиданности. Что, если соседи заметили? Как это объяснить?

Испуг мгновенно сменился недовольством. Но я отогнала эти мысли. Сейчас нужно было думать о незнакомце перед мной.

Не успела я ничего сказать, как Никита обратился к вампиру:

– Здравствуйте, Виктор Владимирович. Не ожидал вас здесь увидеть. Что вам нужно от моей подруги Айлы?

На слове «подруга» я слегка обиделась, но не подала виду. Кто я такая, чтобы исправлять его? Тем более перед незнакомцем. Я лишь посмотрела на Никиту вопросительно, будто говоря: «Какого чёрта ты делаешь?»

Но ни Виктор Владимирович, ни Никита не успели ничего ответить. Из кухни выбежала мама. С неподдельным удивлением она оглядела нас троих.

Напряжение в сцене мгновенно спало.

– Входите, Виктор Владимирович, – сказала мама. – Мы вас ждали

Я сижу в нашей гостиной – она же спальня родителей. Комната маленькая, тесная, но мама старается придать ей уют. Старый фиолетовый диван, который по вечерам раскладывается в кровать, сейчас служит мне сиденьем. Слева от меня – мама, справа – два кресла того же выцветшего фиолетового оттенка. В одном из них расположился вампир, в другом – Никита. «Интересная компания», – мелькает у меня в голове.

Чтобы не встречаться взглядом с собеседниками, я разглядываю обои – белые, с цветочным узором и дешёвыми блёстками. Мама действительно старается: на стене висят комнатные растения, их длинные стебли спускаются почти до пола. Шторы переливаются в лучах солнца, создавая иллюзию уюта.

Но долго избегать взглядов не получается. Я опускаю глаза – прямо на вампира. Мы смотрим друг на друга, пока молчание не прерывает мама.

– Извините, я не сказала Айле о вашем прибытии, – смущённо обращается она к вампиру. – Честно говоря, я не совсем верила... Не хотела давать ложные надежды.

Затем она поворачивается ко мне:

– Дело в том, дочка... – Мама делает паузу, набирая воздух. – Месяц назад нам пришло письмо из Часовой школы магии, где учится Никита. Мы с отцом не могли поверить: в письме было написано, что ты принята, и за тебя готов заплатить клан старинных ведьм. Взамен после выпуска ты

должна будешь вступить в их круг.

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Клан ведьм? Вступить в их круг?

– Это звучало слишком хорошо, – продолжает мама. – Я ответила на письмо, написала, что не могу доверять бумаге. В ответ нам сообщили, что сам директор школы приедет, чтобы прояснить ситуацию. Мы решили подождать его визита, чтобы понять, что происходит на самом деле. И вот... ситуация.

Я смотрю на маму, пытаюсь осознать услышанное. Радости нет – только горькое послевкусие от того, что родители скрыли от меня столь важную вещь. Возможно, они считали это мелочью, но для меня это не так. Я чувствую обиду, но не произношу ни слова – лишь взгляд выдаёт моё недовольство.

По-видимому, мама хочет, что-то добавить, но её перебивает Виктор Владимирович:

– Айла, я понимаю твоё смятение и помогу тебе решить этот вопрос. Думаю, после того как ты выслушаешь меня, ты примешь верное решение. Ведь решать будешь только ты – свою дальнейшую судьбу.

От его слов по спине пробегает холодок. Чувствую угрозу: будто вопрос уже решён, а мне лишь делают вид, что я сама выбираю. Киваю, стараюсь выглядеть сосредоточенной – будто действительно готова выслушать.

Он задирает нос, выпрямляется ещё сильнее, подчёркивая изящную осанку.

– К сожалению, мы не дождались тебя, когда ты получила свой дар. Тёмных ведьм давно не было – по старым поверьям, такая ведьма может родиться лишь раз в сто лет. Нам было очень интересно, что ты собой представляешь. По вашим обстоятельствам не получилось поступить тогда, когда следовало бы, но опустим эти моменты.

Он делает паузу, обводит взглядом комнату, словно взвешивает каждое слово.

– Мы – одна сторона монеты, та, что потемнее. Я осветил этот вопрос в Совете кланов, где каждый вид представляет себя. Долго искали решение: школа не берёт детей с побрякушками. Но спустя два с половиной года в Совет пришла ведьма – мы её совершенно не знали. Она представилась тёмной ведьмой и сказала, что узнала о тебе. Она готова оплатить твоё обучение, но не раскроет всех деталей, пока ты сама не придёшь к ней. Единственное, что она сообщила: ты будешь принята в клан.

– Мы, конечно, не сразу доверились её слову, – продолжает Виктор Владимирович. – Но среди членов Совета были те, кто знает её более тысячи лет. Я сам лишь слышал отголоски её имени в разговорах. Её зовут Елена. Она уже оплатила твоё обучение на два года вперёд. Но решать, поедешь ты или нет, – только тебе.

«Елена...»

Это имя ударяет меня, как ледяной осколок. Где я его слышала?

В памяти вспыхивает картина: пыльная верхняя полка в отцовском шкафу. Я искала тряпку для масла, потянулась к дальнему углу – и наткнулась на тонкий том в чёрном переплёте, без названия. Затаив дыхание, открыла его всего на пару страниц.

Там было написано:

«Елена, именуемая Темнейшей. Её кровь – ключ к древним вратам. Никто не знает, где она родилась, но все помнят, где она прошла».

Тогда я не поняла ни слова. Отложила книгу, решив, что это просто мистическая беллетристика. Отец никогда не говорил о ней. Ни разу не упомянул это имя.

А теперь оно звучит здесь – из уст вампира, представителя Совета кланов.

Шок – единственное, что приходит на ум. Как это возможно? Обо мне знает весь Совет, а я о мире – слишком мало. Родители живут отстранённо, предпочитают быт обычных людей. Хотя я замечала: отец во время нашей работы с машинами порой пользуется магией – детали чинятся сами собой, а его руки движутся с необъяснимой ловкостью.

Оглядываюсь: Никита сидит подозрительно тихо; на лице мамы – спокойное умиротворение. Где отец? Он бы ответил на все вопросы. Но я уже взрослая. Нужно принимать решение самой.

Слишком мало деталей. С одной стороны – огромный шанс. С другой – неведомая цена. Как узнать больше, если

не поеду? И всё же... кажется, за меня уже всё решили.

В этот момент пазл складывается. Я смотрю на Никиту и не могу не задать вопрос:

– Ты знал, что происходит? – голос ломается, царапает горло.

Он нерешительно поднимает глаза, говорит тихо, мягко – будто хочет успокоить:

– Я знал, что Совет обсуждает вопрос твоего зачисления. В коридорах школы это не скрылось. Все знают, кто ты такая. «Отлично», – думаю я. Ещё не поступив, стала поводом для слухов. Среди оборотней, вампиров, фей и прочей «нечисти».

Паническая атака накатывает волной. Тёмная сторона во мне кричит: «Сделай что-нибудь!» Но мама кладёт руку на плечо, шепчет заклинание – и хаос отступает. Ясность возвращается.

Теперь точно нет выбора. Нужно узнать, кто такая Елена. Почему она живёт так долго? Она – как я? Или я – как она?

Пора выходить из зоны комфорта. Не думаю, что будет ещё такой шанс.

Смотрю на вампира, пытаюсь уловить малейшую фальшь в его взгляде. Но лицо Виктора Владимировича – непроницаемая маска.

– Вы говорите, что решение за мной, – мой голос звучит ровнее, чем я ожидала. – Но почему тогда всё уже решено без меня? Письмо, оплата обучения... Даже ваш визит.

Виктор Владимирович едва заметно улыбается – так, что клыки снова мелькают в уголке рта.

– Потому что время не ждёт, Айла. Тёмные ведьмы рождаются раз в столетие. Мы не можем позволить таланту угаснуть из-за сомнений.

Никита вдруг подаётся вперёд. Впервые за всё время он смотрит мне прямо в глаза:

– Айла, я понимаю, это шокирует. Но ты должна знать: в школе говорят о тебе. Все ждут, когда ты придёшь.

– «Ждут» – это мягко сказано, – перебивает вампир. – Некоторые боятся. Другие хотят изучить. Третьи – использовать.

В комнате становится тише. Даже уличный гул затихает, будто мир прислушивается к нашим словам.

Мама осторожно кладёт руку на моё колено:

– Мы не хотели давить. Но когда Виктор Владимирович объяснил, что это единственный шанс...

– Единственный шанс на что? – резко оборачиваюсь к ней. – Стать частью клана? Служить неизвестной ведьме по имени Елен

На мгновение все молчат. Потом вампир медленно наклоняет голову:

– Елена – не просто ведьма. Она хранительница древних знаний. И она видит в тебе потенциал, который мы все проглядели.

«Хранительница», – эхом отдаётся в голове. Вспомнились

обрывки той книги: «Её кровь – ключ к древним вратам».

– А что, если я откажусь? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

– Тогда ты останешься здесь, – Виктор Владимирович обводит взглядом нашу скромную гостиную. – Сдерживая силу, прячась от мира. Пока однажды магия не вырвется наружу – и тогда Совет сам придёт за тобой. На других условиях.

По спине пробегает дрожь. Не страх – скорее холодная ясность. Он прав. Я уже чувствую, как тьма внутри пульсирует, ищет выход.

Никита тихо произносит:

– Я буду рядом. В школе. Помогу освоиться.

Его слова должны утешить. Но вместо этого я чувствую острый укол обиды: «Ты знал. Всё это время знал».

Мама сжимает мою руку:

– Дочка, мы просто хотели защитить тебя.

«Защитить или спрятать?» – думаю я, но не говорю вслух.

Поднимаюсь с дивана. Ноги чуть дрожат, но голос твёрд:

– Хорошо. Я поеду. Но не ради клана и не ради Елены. А чтобы узнать правду. О себе. О ней. О том, что вы все так тщательно скрываете.

Вампир кивает, будто ожидал именно этого:

– Мудро. Помни: в Часовой школе нет места слабым. Но и сильные выживают не всегда.

– Что вы имеете в виду? – хмурюсь я.

– То, что ты уже поняла, – он встаёт. – Магия – это власть.

А власть всегда требует жертв.

Комната будто сжимается вокруг нас. Никита хочет что-то сказать, но я поднимаю руку:

– Хватит. Я приняла решение.

Мама всхлипывает, но быстро берёт себя в руки. Отец так и не появился – наверное, специально. Знает, что я должна сделать это сама.

– Когда отъезд? – спрашиваю у вампира.

– Завтра на рассвете. Будь готова.

Он выходит, не оборачиваясь. Никита задерживается на секунду:

– Я рад, что ты едешь. Правда.

Но в его глазах – тень тревоги. Или вины?

Когда дверь закрывается, я подхожу к окну. Дом Никиты напротив кажется пустым и холодным. Вспоминаю наши летние вечера, его рассказы о школе – и понимаю: всё изменилось.

Я смотрю на свои руки. На мгновение – всего на миг – тени на полу движутся не в такт моим движениям. Они вытягиваются, изгибаются, словно пытаются что-то показать.

«Завтра», – думаю я. – «Завтра всё начнётся по-настоящему».

Глава:2 “Тени невысказанных слов”

Долго у окна стоять не получилось. Я лишь проводила взглядом высокого мужчину – будущего директора моей новой школы – и своего парня, который оглянулся перед тем, как зайти в дом. Наши взгляды на секунду встретились, но я тут же отвернулась. Я всё ещё злилась на него.

У меня оставался последний день в родном доме – нужно успеть многое до рассвета.

Игнорируя мамин взгляд, полный надежды на разговор, я прошла мимо в свою спальню. Надо собрать самое необходимое.

На кровать легла тёмно-синяя спортивная сумка. С обеих сторон – небольшие кармашки, а на боковой стороне – скромная надпись «Спорт». Не совсем то, о чём мечтают девочки, когда представляют свой отъезд из дома...

Подойдя к шкафу, я достала две пары белья, носки, пару футболок – одну чёрную, другую с большим светящимся котом (она длиннее, и по ночам рисунок мерцает). В новой школе, если будет свободное время, я планировала носить её.

Взгляд упал на полку с джинсами. Всё казалось слишком старым. На мгновение мелькнула мысль потратить деньги на

новую одежду, но я быстро отбросила её: впереди ждала куда более важная покупка.

Смартфон.

Этим летом я копила именно на него. Мой старый, мамин, уже пять лет как устарел – не хотелось отставать от одноклассников.

В итоге я взяла чёрные штаны на завязках (они ещё более-менее новые) и джинсы, которые были на мне. Добавила пижаму – подарок бабушки: белую, с маленькими сердечками. Я ни разу её не надевала – было жалко, и спала в старых футболках.

Отступив от шкафа, я заметила: сумка уже наполовину заполнена. Открыв секцию с вешалками, я задержалась на чёрном платье, которое надевала на день рождения. Мама каждый год аккуратно его складывала, надеясь, что я когда-нибудь снова его надену. Что ж, его время прошло. Возьму с собой – на всякий случай. Хотя оно и связано с болезненными воспоминаниями... С принятием себя мне ещё предстоит поработать.

Затем я открыла тумбочку: новые тетрадки, блокноты, ручки. Все тетрадки – розовые, немного нелепые. Мама купила их на пару лет вперёд, когда я была маленькой.

Собрав вещи, я поняла: времени остаётся всё меньше. Мне ещё нужно зайти к папе на работу – значит, пора идти.

Выйдя из дома, я оглядела его. Маленький, деревянный. Внутри – кирпич, но снаружи – дерево. Мы живём на севере,

и в каменном доме зимой замёрзнешь. Поэтому у нас до сих пор есть печка – почти как камин. В ней мы печём пирожки и хлеб. Аромат свежей выпечки... Мне будет не хватать этого запаха.

«В новом месте такого не будет», – мелькнуло в голове. Но новая жизнь не ждёт.

Я села на велосипед с большими колёсами и поехала в центр города. По пути я снова и снова прокручивала в голове слова Виктора Владимировича. Единственное, что не выходило из головы: «Как мне выжить в этой школе?» Иногда закрадывалась мысль: «А смогу ли я вернуться домой?» Я перестала думать об этом и просто наслаждалась видом родного городка.

Выехав на главную улицу, я невольно замедлила ход. Впереди показалась старая школа с облупившейся штукатуркой и коваными воротами, которые ещё помнили наши детские шалости. За ней – парк с вековыми липами, чьи кроны сплетались над дорожками, создавая зелёный туннель.

Именно там мы гуляли с Никитой прошлым летом. Я помнила, как листья шелестели над нами, будто перешёптывались о чём-то своём, а Никита смеялся, когда я пыталась поймать падающие семена-«вертолётики». Теперь эти дорожки казались пустынными и слишком тихими. Даже ветер здесь звучал иначе – словно хранил невысказанные слова.

Я тронула велосипед, объезжая трещины в асфальте, где когда-то мы рисовали мелом звёзды. Всё вокруг было пропи-

тано воспоминаниями: запах свежескошенной травы, скрип качелей, тени от старых фонарей... Этот город знал меня лучше, чем я сама.

Подъехав к магазину техники, я зашла внутрь. Надежда, что мне хватит денег хоть на что-то, быстро рухнула. Я стояла перед витриной, разглядывая смартфоны, и понимала: мне доступны лишь самые дешёвые модели.

Вдруг кто-то коснулся моего плеча. Я вздрогнула и обернулась. Это был папа. В моём взгляде – изумление, недоверие, непонимание. Он, видимо, прочёл это и сразу ответил на не заданный вопрос:

– Я увидел, как ты заходишь в магазин, и решил узнать, что ты тут делаешь.

Я промолчала. Взгляд стал грустным. Хотелось задать столько вопросов, но не здесь. Я отвернулась к витрине, показывая недовольство. Но это мой папа – нельзя просто закрыть разговор.

– Выбираю телефон для новой школы, – сказала я, пожимая плечами, будто давая понять: «Разговор окончен».

Но папа не собирался отступать. Его улыбка погасла, он подошёл ближе и взял меня за плечи:

– Выбери любой телефон, который тебе нравится.

Я медленно повернула к нему лицо. В глазах – удивление, непонимание.

– Ты хочешь купить мне телефон?

– Хочу загладить вину.

– Но у тебя нет на это денег.

– Чтобы порадовать дочь, деньги найдутся. Не переживай.

– Я так не могу.

– Ещё как можешь. И хочешь. Я должен хоть что-то сделать для своей красавицы.

– Я копила на этот телефон. Хочу купить его сама.

– Тогда я добавлю.

Я сбросила его руки с плеч и отошла на пару шагов. Но он не отступил. Выхватив из моих рук кошелёк, он указал на iPhone:

– Нравится?

Я замерла. Кивнула. Но всё ещё не понимала, что он задумал.

Он пошёл к кассе, взяв мои деньги. «Я ведь хотела потратить их на телефон...» – подумала я.

Когда папа вышел из магазина с коробкой в руках, я на мгновение замерла. Белый iPhone в его ладонях выглядел почти нереальным – как кусочек чужого мира, случайно занесённый в наш тихий городок.

– Вот, – он протянул мне телефон, а сверху положил чёрный чехол. – Думаю, он тебе подойдёт.

Я провела пальцем по гладкой поверхности. Холодная. Совсем не похожа на мой старый телефон с трещиной в углу и наклейкой в виде кошачьей лапки – той самой, которую Никита приклеил мне на день рождения.

– Почему чёрный? – спросила я, поднимая глаза.

Папа улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у меня всегда теплело внутри:

– Потому что ты любишь всё незаметное. Но это не значит, что ты сама незаметная.

В этот момент солнце пробилось сквозь облака, осветив его лицо. Я вдруг заметила, как много новых морщинок появилось у его глаз – следы бессонных ночей и ремонтов чужих машин. И этот телефон... Он стоил ему больше, чем просто денег.

– Спасибо, – прошептала я, сжимая коробку в руках.

Она была лёгкой, но в ней словно уместилась целая жизнь – та, что оставалась позади, и та, что ждала впереди.

Я оглянулась на витрину магазина. В отражении стекла видела нас двоих: меня с новым телефоном и папу. Между нами – улица, по которой я скоро уеду. Между нами – целый мир, который мы не смогли до конца понять друг в друге.

Но сейчас это было неважно. Сейчас был только этот момент, этот город, который провожал меня шелестом листвы и тихим звоном велосипедного звонка.

Когда я доехала до мастерской отца, на улице уже стемнело. Жаркий день отступил, и холодный ветер принялся освежать улицы.

Папину мастерскую сложно назвать элитной – это старый гараж с ржавеющими дверями и обшарпанной вывеской «Ремонт авто». Я роняю велосипед на поломанный асфальт, выложенный специально под дорожку к гаражу, и тут же жалею

об этом: звон железа слишком резкий. На мгновение пугаюсь – не сломала ли свой единственный велосипед? Оглянувшись, вижу: всё в порядке. Выдыхаю, открываю замок сумки, чтобы достать ключи.

Звон ключей сразу даёт понять: в связке их много – от дома, от гаража, от бабушкиного дома. Среди них – брелок с чёрным котиком и надписью «Я ♥ котиков».

Захожу в гараж. Работы здесь – на всю ночь. Но папа, видимо, решил пойти домой. Он так устаёт, что ничего не успевает. Мне скоро уезжать, а ему, пожалуй, стоит нанять напарника. Младший брат ещё не вырос, чтобы помогать с ремонтом машин.

Обхожу старый Mercedes и направляюсь в папин «кабинет» – скорее, кабинку, отделённую от основного пространства гаража. Здесь стоит кушетка, рядом – стол, а наверху – полка, которая мне и нужна. В последний раз именно там я видела ту самую книгу про Елену.

Мой рост невелик, и приходится встать ногами на стол. Видела бы меня мама – прибила бы на месте! На этом столе едят, а я стою на нём в уличной обуви. Но терять время на переобувание не хочу.

Только я тянусь к полке, как чувствую резкий укол – старая пыль. Видимо, здесь никогда не протирали. Да и кому это делать? Мама сюда не заходит.

Перебираю журналы по механике и отчётные книжки – книги про Елену нет. Меня окутывает разочарование.

«Что же делать? Мне нужна эта книга», – проносится в голове.

Даже моя тёмная сторона молчит – видимо, сбита с толку. К тому же на руках по-прежнему браслеты. Я ведь настоящая ведьма, но эти артефакты блокируют силу. Снять их самостоятельно я не могу – только другой ведьмак способен разомкнуть зачарованные звенья.

Опускаюсь на кушетку, пытаюсь сообразить, как поступить. И тут за дверью кабинки слышу шорох. Воздух наполняется магией – моё нутро сжимается, накатывает паника.

Осторожно приоткрываю дверь. Из портала выходит мужчина. С этого ракурса я не вижу его лица – только силуэт. Хочу потянуться к браслетам, попробовать прорвать блокировку – но знаю: бесполезно. Моя магия спит под их холодным металлом.

В отчаянии хватаю гаечный ключ со стола и медленно подхожу к незнакомцу. Замахиваюсь – но мою руку резко останавливают. Отшатываюсь: передо мной стоит Артур. Мой отец.

Гаечный ключ падает в сантиметре от моей ноги. Опускаю взгляд, осознаю, что произошло, и в испуге толкаю отца:

– Ты меня сильно напугал!

Отец стоял перед мной – высокий, с прямой спиной, будто даже в полумраке мастерской не позволял себе ссутулиться. Его фигура выглядела одновременно худощавой и крепкой: узкие плечи и впалая грудь обманчиво намекали на хруп-

кость, но перекатывающиеся под рубашкой мышцы рук и плеч говорили о другом. Годы работы в гараже оставили свой след: ладони в едва заметных шрамах и мозолях, предплечья жилистые, сильные – такие появляются не в спортзале, а от ежедневного труда с металлом и инструментами.

Но больше всего в этом сумрачном свете выделялись его глаза – ярко-зелёные, как молодая листва весной. В них всегда читалась особая острота: казалось, он видит больше, чем остальные, замечает то, что другие пропускают мимо. Сейчас в этом взгляде смешались лёгкая укоризна и тепло – не гнев, а тихое понимание: она просто испугалась.

Он был одет в привычную рабочую рубашку с закатанными рукавами, на воротнике – едва заметное пятно машинного масла. Ткань слегка натянулась на плечах, когда он сделал шаг вперёд, и стало видно, как под ней чётко очерчены мышцы – результат лет, проведённых за ремонтом машин, за поднятием тяжестей, за бесконечной гонкой между заказами и срочными вызовами.

– Ну и хватка у тебя, Айла, – произнёс он, слегка поправляя рукав, будто проверяя, не повредила ли она его своим толчком. – Всё-таки ведьма, никуда не деться.

В его голосе не было раздражения – лишь лёгкая насмешка и та самая отцовская теплота, которую она знала с детства.

– Я знал, что ты придёшь, – сказал он, словно прочитав мои мысли. – И понял: если вампир уже побывал тут, тебе непременно понадобится эта книга. Если думаешь, что я не

заметил, как ты впервые её увидела, – ошибаешься.

Отец провёл рукой над полкой, у которой я только что стояла. За ней с тихим щелчком открылся потайной ящичек, спрятанный за рядами других книг. Внутри лежала та самая – потрёпанная, с обшарпанными углами, с обложкой, изобродённой временем. На корешке едва угадывалась выцветшая надпись: «Елена. Путь сквозь тени».

Он протянул её мне.

В голове роились сотни вопросов. Но я выдавила лишь один:

– Почему тебя не было дома, когда ты мне так нужен был?

Он вздохнул, посмотрел куда-то мимо меня, будто видел что-то за стенами мастерской. В полумраке его зелёные глаза казались двумя осколками тёмного леса – глубокими, хранящими тайны.

– Ты поедешь в Суровый мир, где нас с мамой не будет. Конечно, мы всегда рядом – можешь позвонить по новому телефону. Но я не знаю, что тебя там ждёт. С твоим даром ты будешь нужна всем – по разным причинам. И это... – он сделал паузу, – это твоё первое собственное решение. Даже если бы я был рядом, я не смог бы на него повлиять.

Глаза наполнились слезами. Второй раз за день.

Я молчала, разглядывая книгу в своих руках. Что-то в ней было... знакомое. Не только потрёпанная обложка или выцветшие буквы. Будто сама бумага помнила меня.

– Откуда она у тебя? – спросила я тихо, проводя пальцем

по корешку.

– Она... принадлежала одному очень близкому человеку. – Его голос дрогнул, но он тут же взял себя в руки. – Человеку, который многое понимал о путях между мирами.

Я подняла взгляд. В его глазах мелькнуло что-то странное – не то тоска, не то вина. Но он быстро отвернулся, будто боялся, что я увижу больше, чем нужно.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– Сейчас – да. Но однажды ты узнаешь больше. Обещаю. Отец обнял меня за плечи, прижал к себе.

– Можешь поплакать, – шепнул он на ухо. – Но нам пора домой. Это твоя последняя ночь перед отъездом.

Я пообещала, что доберусь в целости. Не желая проходить через портал сразу, я направилась к велосипеду. Отец остался там, у мерцающего проёма.

А я хотела вдохнуть вечерний воздух. Ощутить прохладу после заката. Медленно крутила педали, и ветер сушил слёзы на щеках. В руке я сжимала книгу, и мне казалось, будто она слегка пульсирует, будто внутри бьётся чужое сердце.

«Близкий человек», – повторяла я про себя. – «Кто же ты, Елена?»

Велосипед катился в темноту. За спиной мерцал портал, а впереди – лишь дорога и звёзды, которые я давно разучилась считать. Но теперь у меня была книга. И вопрос, на который я обязательно найду ответ.

Когда я приехала домой, то увидела Никиту: он стоял пе-

ред входной дверью, прислонившись к стене. Фонарь за его спиной дрожал, рассыпая по асфальту янтарные блики, а в воздухе витал запах остывающего летнего вечера – пыль, нагретые за день кирпичи и едва уловимая нота приближающейся осени.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, и голос чуть дрогнул.

В последнее время это чувство – смутной тревоги – будто поселилось во мне навсегда.

Он поднял глаза. В их голубой глубине отражался свет фонаря, превращая взгляд в мерцающую тайну.

– Нам нужно поговорить, – сказал он тихо.

– О чём же?

– Ты поедешь в школу на неделю раньше меня.

– Я думала, мы поедем вместе...

– Не могу. Тебе придётся освоиться без меня первые дни.

С каждым шагом он приближался, и расстояние между нами таяло, как снег на тёплой ладони. Когда между нами осталось не больше полуметра, я почувствовала запах его одеколона – тот самый, что всегда напоминал мне о зимнем утре и свежеснеженном снеге.

От его слов внутри что-то надломилось, но в полумраке он вряд ли мог разглядеть мою боль. Я сжала губы, обхватила руками локти, пытаюсь унять дрожь.

– Почему? – произнесла я сухо, почти шёпотом.

– Потому что я не могу пройти через портал вместе с тобой. Директор ждёт нас только 30 августа. Перед началом

учёбы приезжают лишь немногие – или те, кто остаётся там на всё лето.

Он сделал паузу, шагнул ещё ближе. Теперь я могла разглядеть мельчайшие крапинки в его глазах, словно там, внутри, пряталась целая галактика невысказанных слов.

– Не переживай. Школа будет почти полупустой. Не думаю, что ты нарвёшься на конфликт, пока меня не будет. Всего неделя. Я не думаю, что смогу попрощаться с тобой завтра на рассвете, так что...

На этот раз он подошёл совсем близко, взял мои руки в свои. Тепло его пальцев прогнало холод, сковывавший меня изнутри. Он притянул меня к себе, и я обняла его за талию, уткнувшись носом в ткань рубашки. Он был выше почти на голову, так что моя щека прижалась к его шее, и я слышала, как ровно бьётся его сердце.

Я не сопротивлялась. Просто впитывала этот момент – тепло, запах, ощущение его рук на моей спине. Сегодня хватит слёз. Наши отношения ещё крепки.

– У нас же всё будет хорошо? Теперь, когда я учусь с тобой в одной школе, наши отношения не умрут?

– Конечно, нет, ведьма. Я же твой светлый ведьмак. С чего ты вообще подумала, что что-то не так?

– Ты казался отстранённым... Я подумала, что стала для тебя скучной.

Он не ответил. Вместо этого его взгляд скользнул за мою спину, к велосипеду, припаркованному у крыльца.

– Это книга?

Я обернулась. На заднем сиденье, закреплённая ремешком, лежала та самая книга – «Ведьма Елена: путь сквозь тени». Я так и не открыла её до конца.

– Да, – ответила я коротко.

– И что это за книга?

– Неважно. Я не хочу сейчас об этом.

Он посмотрел на меня с лёгким недоумением, но не настаивал. Вместо этого обнял крепче и коснулся губами моего лба. От этого простого жеста внутри что-то растаяло – как лёд под первыми лучами солнца.

Мне было так хорошо, так тепло. Я так его любила... И так не хотела отпускать. Больно было думать, что первую неделю придётся провести без моего любимого ведьмака. Почему он не назвал настоящей причины? Неужели не хочет побыть со мной подольше? Я отогнала эти мысли, решив насладиться последними мгновениями близости.

Я подняла голову, взглянула в его голубые глаза и поправила чёлку. Блондинистые волосы всё равно спадали на лоб, но мне так хотелось к ним прикоснуться. Я потянулась к нему, вставая на цыпочки. Он должен был понять, что я хочу поцеловать его, но лишь обнял крепче и коснулся губами моей щеки, смущая этим нежным, почти братским жестом.

– До скорой встречи, Айла. Увидимся в школе, – улыбнулся он своей белоснежной улыбкой. «Какая же лисья улыбка», – подумала я.

– Ты точно не можешь поехать со мной?

– Не заставляй меня повторять. Мне уже пора.

Он быстро чмокнул меня в губы, отпустил, и всё тепло ушло. Обойдя меня, он направился к своему дому. Я осталась у своей двери, провожая его взглядом.

Когда он подошёл к своей входной двери, то обернулся, махнул мне и послал воздушный поцелуй. Я поймала его рукой, прижала к губам и закрыла глаза. На секунду мне показалось, что я чувствую его вкус – вкус обещаний, которые пока не могут сбыться.

Я закрыла за собой дверь, но тишина дома казалась чужой. Прошла на кухню, налила воды, но даже глоток не принёс облегчения.

Часы на стене тикали слишком громко – будто отсчитывали последние минуты моей прежней жизни.

«Всего неделя», – повторяла я про себя, но слова звучали фальшиво. Неделя без Никиты. Неделя до новой жизни. Неделя, за которую всё может измениться.

Родители уже спали. Я заглянула в их комнату – мама свернулась под одеялом, папа тихо посапывал. В этот момент мне захотелось разбудить их, сказать: «Я боюсь», – но я знала: они ответят: «Ты справишься». И будут правы. Просто мне нужно было услышать это вслух.

Тихо, стараясь не скрипнуть полом, я пробралась к себе. Перед тем как лечь, открыла окно. Воздух был свежим, с привкусом уходящего лета – запах сухой травы, остывающе-

го асфальта и далёкого дождя. Я прошептала в темноту:
– Я готова.

Хотя на самом деле – нет. Но, может, это и не важно.

Моя тёмная страна, услышав мои слова, будто хотела под-
держать, но тихо спала внутри меня, будто своим молчанием
уже всё сказала.

Я закинула книгу в сумку с вещами и улеглась в постель.
Укутавшись одеялом, вдруг ощутила знакомый аромат – ма-
ма поменяла мне постельное бельё. Лаванда. Тёплый, обво-
лакивающий запах, который она всегда использовала, когда
я болела. Я прижалась щекой к подушке, вдыхая глубже, и на
секунду вернулась в детство: мамины руки, глядящие меня
по голове, шёпот: «Всё будет хорошо».

Но сейчас мне всё равно не спалось. Слишком много про-
изошло. Слишком многое я не успела. Слишком много во-
просов осталось без ответов.

Я отвернулась к стене, закрыла глаза. И вдруг услышала
тихий скрип двери.

Кто-то вошёл, ступая так осторожно, что даже старый пол
не издал ни звука. Я не подавала виду, что не сплю, замерла,
едва дыша.

Тёплая рука коснулась моих волос – лёгкая, как перо. Ма-
ма. Только она гладила меня так: сначала по макушке, потом
вдоль спины, будто проверяла, цела ли я, не разбилась ли на
части от всех этих перемен.

Я почувствовала запах её крема для рук – нежный, с нот-

ками жасмина. Тот самый, который она покупает уже десять лет. Этот аромат вдруг ударил по сердцу сильнее любых слов.

– Доченька моя... – её голос дрогнул. – Я так буду по тебе скучать, что иногда мне кажется, я не смогу дышать. Ты ещё многого не знаешь, и в этом виновата я. Но я уверена: ты сильная, ты справишься. Тебе предстоит узнать то, о чём мы не могли тебе рассказать... Не потому что не хотели – просто не знали, как. Моя любимая доченька... Какой же тяжёлый путь для тебя выбрала судьба...

Она замолчала. Я не видела, но чувствовала: вытирает слёзы. Внутри всё сжалось – от любви, вины и странного ощущения, что мы обе стоим на краю чего-то большого, неизведанного.

Мама продолжала гладить меня, и в этом движении было всё: её страх, её вера, её несказанное «прости».

– Почему? – прошептала я, не выдержав. – Почему вы не могли мне рассказать? Что именно вы скрываете?

Она вздрогнула, будто не ожидала, что я не сплю. Но рука её не остановилась.

– Если бы я могла объяснить... – голос сорвался. – Некоторые вещи нельзя просто рассказать. Их нужно пережить. И я бы всё отдала, чтобы тебе не пришлось...

Я повернулась к ней. В полумраке её глаза блестели от слёз. Она попыталась улыбнуться, но губы дрожали.

– Мама... – я схватила её руку, прижала к щеке. – Мне страшно.

– Знаю, милая. – Она накрыла мою ладонь своей, согревая. – Но ты не одна. Даже когда ты будешь далеко, я всегда буду с тобой. Вот здесь. – Она приложила руку к моему сердцу. – И здесь. – коснулась своего.

Слёзы текли беззвучно, обжигая кожу. Я вцепилась в её пальцы, будто могла удержать этот момент навсегда.

– Я люблю тебя, моя красавица, – прошептала она и поцеловала меня в макушку.

Затем я почувствовала, как что-то лёгкое опускается в мою сумку. Тихий шаг к двери, едва уловимый вздох – и вот уже щёлкнул замок.

Я села на кровати, всё ещё ощущая на щеке тепло её поцелуя. В воздухе едва уловимо пахло жасминовым кремом – след её присутствия. Слёзы текли беззвучно, обжигая кожу.

Протянула руку к тому месту, где только что лежала её ладонь. Пальцы коснулись простыни – ещё тёплой, ещё хранящей отпечаток её тепла. Я прижала ладонь к груди, будто пытаюсь удержать это ощущение внутри.

Шёпотом, так, чтобы она не смогла услышать, я произнесла:

– Я люблю тебя, мама. И я постараюсь понять. Правда.

За окном первая капля дождя ударилась о подоконник. Потом вторая. Я закрыла глаза, вслушиваясь в нарастающий шум ливня. Он смывал страхи. Он обещал: завтра будет новый день.

Я проснулась за час до рассвета – за окном стояла густая

предраассветная тьма, лишь где-то на востоке брезжил бледный отсвет. В тишине дома моё дыхание звучало слишком громко. Сегодня – первый день на новом месте. И я должна выглядеть... не испуганной девчонкой, а той, кем мне суждено быть.

Подойдя к зеркалу, я погрузила пальцы в поток своих волос. Они стекали до колен, словно тёмная река: у корней – тёплый шоколадный оттенок, а к кончикам переходили в непроницаемую черноту. Так случилось в день моего 13-го рождения – магия пробудилась, окрасив пряди словно чернилами. В школе думали, что это краска, но правда была страшнее: если отрезать волосы, чёрный цвет поднимался выше. С тринадцати лет я не стриглась ни разу.

«Волосы – украшение каждой ведьмы», – шепнула я, проводя расчёской по волнам. Движения успокаивали, но сердце билось чаще обычного.

Мне хотелось выглядеть старше. Увереннее. Не девочкой, которая боится нового дня, а той, кто готова встретить его лицом к лицу.

Перед зеркалом я задержалась дольше, чем планировала. Чёрный карандаш лёг на веки тонкими стрелками, подчёркивая зелёные глаза – те самые, что когда-то влюбили в себя мою маму. Тушь превратила ресницы в веер, почти касающийся бровей. Я достала красную помаду... и оставила её. Рука дрогнула. Вместо дерзкого алого взяла нюдовый оттенок – безопасный, незаметный, такой, за которым можно

спрятаться.

Прищурившись, вгляделась в отражение:

«Ведьма? Я? Не выгляжу устрашающе. Тёмная ведьма ростом 159 см – кого я могу напугать?»

Мысленно добавила: «Может, хоть до 165 вырасту. Время ещё есть – старение замедляется к 21 году».

Оделась быстро: джинсы-клёш, серая оверсайз-футболка, кроссовки – нарочитая обыденность, будто я не отправляюсь сегодня в иной мир. Но опухшие глаза и тени под ними не скрыть ни тональным кремом, ни заклинаниями.

Вздохнув, попрощалась с зеркалом – молчаливым свидетелем моих сомнений. Взяла сумку, закинула рюкзак на плечо и вышла.

04:55. До рассвета – пять минут.

Я надеялась, что родители выйдут. Что папа, несмотря на раннюю смену, хотя бы помашет мне из окна. Что Никита... хотя бы выглянет на минуту. Но двор был пуст. Только ветер шелестел листвой, будто шептал: «Ты одна».

– Думала, я тебя отпущу вот так просто? – раздался за спиной мягкий голос.

Мама стояла в дверях, укутанная в тёплый халат, с кружкой чая в руках. На лице – та самая улыбка, от которой в детстве исчезали все страхи.

Она медленно подошла, окинула меня взглядом – не как дочь, а как женщину.

– Тебе идёт, – тихо сказала она. – Макияж... Ты уже такая

взрослая. Эти глаза... В них я когда-то увидела своего будущего ребёнка. И так рада, что цвет достался тебе от папы.

Её объятия были крепкими, почти болезненными – будто она пыталась вложить в это прикосновение всё, что не смогла сказать за последние дни. Я прижалась к ней, вдыхая запах лавандового мыла и чего-то неуловимо родного.

Когда она отстранилась, в её глазах блеснули слёзы.

– Так дело не пойдёт, – прошептала мама, поднимая руку.

Я не успела спросить – воздух наполнился ароматом дождя и озона. Её пальцы скользнули по моим векам, и я ощутила мягкое тепло, растекающееся по лицу. Когда открыла глаза, от усталости не осталось и следа: кожа сияла, взгляд стал ясным, а тени под глазами растворились, как туман на солнце.

– Мама... – выдохнула я.

– Маленькая моя, – она погладила меня по щеке. – Ты даже не представляешь, как сильно я тобой горжусь.

За её спиной, словно из ниоткуда, возник Виктор Владимирович. Его клыки блеснули в полумраке, но взгляд был неожиданно мягким.

– Пора, – сказал он, и в его голосе не было угрозы – только тихая уверенность.

Я обернулась, ища глазами отца.

– Папа уже ушёл, – мама словно прочитала мои мысли. – Но он просил передать: «Горжусь тобой. Всегда».

В груди что-то сжалось. Обида нахлынула горячей вол-

ной: «Почему он не пришёл? Почему даже в такой момент я должна быть одна?»

Но мама перехватила мой взгляд, сжала руку:

– Он любит тебя. Просто... иногда мужчины не знают, как это показать.

Я кивнула, не находя слов.

Повернулась к вампиру.

– Я готова. Как мы отправимся?

Он улыбнулся – не угрожающе, а почти по-отечески.

– Я древнейший вампир, – произнёс он. – Людские пути – не для нас.

За его спиной разверзлась воронка из мерцающего тумана, переливающаяся, как крыло бабочки. Воздух наполнился запахом грозы и далёких земель.

Я снова посмотрела на маму. Её губы дрожали, но она улыбалась.

– Иди, – сказала она. – И помни: ты сильнее, чем думаешь.

Обняла её в последний раз, вдыхая родной запах, затем медленно пошла к portalу.

Остановилась у края, оглянулась.

Дом. Двор. Окно Никиты.

«Он спит, – подумала я. – Или не хочет видеть, как я ухожу. Но я всё равно люблю его».

Послала воздушный поцелуй дому, улице, прошлому.

И шагнула в свет.

Глава:3 “Когда любовь становится магией”

Она меня не заметила. Но я видел, как она послала воздушный поцелуй в сторону моего окна – и шагнула в портал.

«Вот дура», – подумал я, отходя от стекла. Нарочно задел локтем вазу на подоконнике – звонко, с треском. Пусть, если вдруг оглянется, заметит. Пусть задумается. Пусть понервничает.

Если когда-то у меня и были к ней чувства, то это давно прошло. Ещё до того, как я поступил в часовую школу – ту самую, что раскинулась в другом мире, за гранью порталов. Там – целый мир: девушки на любой вкус, все красивые, талантливые, уверенные в себе. А я... Я – хороший. С собой. И это великий соблазн, которому я так и не научился сопротивляться. Да и зачем учиться? Жизнь – игра, а я в ней главный приз. Или главный обманщик? Какая разница.

Но Айла мне нужна. Она сама не знает, какая сила в ней таится. Забавно, что она даже не догадывается, насколько ценна. Для меня. Для моих планов. Для моего имиджа. Потому что иметь такую девушку – это статус. А статус – это власть.

И всё же... какая-то привязанность остаётся. Странная, неровная. Она – как игрушка на время каникул. Я возвраща-

юсь в школу – и тут же забываю о ней. Но стоит ей исчезнуть из поля зрения, как я начинаю скучать. По контролю. По её наивной вере в меня. По тому, как она смотрит, будто я – её личный герой.

Я отворачиваюсь от окна, достаю телефон. На экране – россыпь уведомлений. Пять утра, а они уже не дают мне покоя. Неужели не понимают, что для меня их время идёт вперёд, а моё – стоит? Я живу в другом ритме. В ритме, где есть только я и мои желания.

Трёх игнорирую. Двум отвечаю коротко, без души: «Ок», «Посмотрим», «Не сегодня». Пусть гадают. Пусть ждут. Это их мотивирует.

А от неё – ни слова.

«Ну и стерва», – думаю, но в этом есть свой кайф. Как же она меня заводит. Её холодность. Её молчание. Её презрение. Потому что, если она презирает, значит, чувствует. Значит, я всё ещё держу её на крючке.

Я открываю Messenger и пишу сам. Не спеша. Выстраиваю каждое слово, будто шахматную партию:

«Проснулся и сразу подумал о тебе. Ты ведь знаешь, как это бывает?»

Отправляю. Жду.

Тишина.

Я облизываю пересохшие губы, открываю камеру. Селфи после сна: волосы торчком, глаза сонные, голубой цвет в них потускнел.

И душа, кажется, тоже.

Но это временно.

Потому что через час я встречу с Лизой. Она думает, что я свободен. Через два дня – с Мариной. Она уверена, что я влюблён. А через неделю...

Через неделю я сам шагну в портал – вслед за Айлой. В ту самую школу, где она будет искать меня, ждать меня, верить в меня.

В школу, где я – король. Где каждая вторая мечтает оказаться на её месте. Где я могу позволить себе всё: флирт, намёки, лёгкие прикосновения, многозначительные взгляды. И где никто – даже Айла – не посмеет спросить: «А что ты чувствуешь на самом деле?»

Я ухмыляюсь своему отражению в экране.

– Ну что, Никита, – шепчу, – кто сегодня будет твоим главным призом?

Телефон вибрирует. Сообщение от неё.

«Ты опять за своё?»

Я смеюсь вслух.

– Конечно, – печатаю в ответ. – А ты как думала?

И добавляю подмигивающий смайлик.

Пусть гадает.

Пусть верит.

Пусть ждёт.

Ведь пока она ждёт – она моя.

Я задумчиво кручу в пальцах телефон. Отменить все

встречи? Смешная мысль. Зачем отказываться от удовольствия – только потому, что Айла шагнула в портал?

Нет, у меня целая неделя, чтобы жить как хочу. Целая неделя, чтобы:

- флиртовать с кем угодно;
- проверять, кто из девушек сильнее по мне сохнет;
- придумывать изящные способы скрыть правду от Айлы.

Особенно важно – чтобы не проговорилась она. Моя рыжеволосая красавица. Я слишком долго её добивался, чтобы потерять обеих.

«Интересно, где сейчас Кристин?»

Вспоминаю наши тайные встречи – как хорошо нам вместе, когда никто не видит. Но заставить её написать первой? Бесполезно. Эта девушка обожает держать дистанцию.

Решаю не сдаваться. Набираю:

– Скинь фотку, моя львица.

Ответ приходит с ледяной задержкой:

– С чего ты подумал, что я хочу этого делать?

Улыбаюсь. Люблю этот тон – будто она совсем не заинтересована. Но я знаю: это игра.

Печатаю в ответ:

– Потому что я люблю тебя и хочу увидеть.

Её ответ жжёт:

– Как легко ты говоришь эти слова. Учитывая, что твоя девушка ждёт их каждый день... а ты говоришь мне.

Отправляю умоляющий эмодзи. Тишина. Потом – вибра-

ция.

Фотография.

Она лежит в кровати. По фону узнаю общежитие: те самые бежевые шторы, тот самый угол стены. Сколько ночей мы провели вместе...

Я разглядываю фотографию – и словно погружаюсь в тёплый, мерцающий мир её облика.

Она лежит в постели, и утренний свет льётся сквозь занавески, превращая её рыжие кудри в живое пламя. Волосы рассыпаны по подушке хаотично, но так гармонично, будто сама природа рисовала этот узор. Каждая волна локона играет с солнечными лучами – то вспыхивает медным отблеском, то тает в мягком золотистом сиянии.

Её улыбка – как тайный знак. Не широкая, не показная, а чуть скошенная, с намёком на озорство. Уголок губ приподнят так, будто она знает что-то, чего не знаю я. И это притягивает сильнее любых слов.

Но главное – глаза. Голубые, но не просто голубые. Это как два осколка зимнего неба, где сквозь морозную ясность пробивается тёплый свет. В них – и вызов, и насмешка, и что-то ещё, неуловимое, что заставляет взгляд задерживаться дольше, чем следовало бы.

А ресницы... Рыжие, как и волосы, но с тонким медным отливом. Они отбрасывают крошечные тени на её щёки, и эти тени кажутся частью какого-то скрытого кода – кода её настроения, её мыслей, её игры.

И всё это – в обрамлении простых, но безупречных черт: прямой нос, чуть заострённый подбородок, скулы, которые не кричат о своей красоте, но подчёркивают её с тихой уверенностью.

Она – как картина, которую хочется рассматривать снова и снова. Каждый раз находить новый оттенок, новую деталь, новое ощущение.

И я понимаю: она не просто красивее всех. Она – другая. И именно это делает её опасной.

Да, она красивее всех. Но я никогда этого не скажу вслух. Сейчас главное – чтобы не выдала нас.

Набираю быстро:

– Отлично. Айла уже в пути. Думаю, через пару часов будет в школе. Умоляю – не выдай наши секреты.

Её ответ холоден:

– С чего ты взял, что мне это интересно? Она сама всё узнает. В нашей школе болтушек хватает. Тем более... столько девиц будут разочарованы, узнав, что у их любимого героя есть девушка.

– Кстати, я даже не знаю, как она выглядит.

Не думая, пишу:

– Девушка с самой простой внешностью. Не стоит даже твоих пяточек.

Короткая пауза. Затем приходит её сообщение:

– Зачем же ты так...

Экран гаснет. Я бросаю телефон на кровать.

– Вот же дрянь... – усмехаюсь.

Обожаю её характер. Но терять Айлу тоже нельзя. Когда она поймёт, кто она и на что способна... её любимый молодой человек должен быть рядом – подхватить, поддержать. Она идеальная жена на будущее.

Но пока у меня есть время – я хочу развлекаться.

Знаю, что это несправедливо. По отношению к подруге детства, которая верит каждому моему слову. Но... судьба решила за неё сама.

Телефон снова вибрирует. Новое сообщение от Кристин: – Ты забыл? Сегодня в 20:00 у старого дуба.

Улыбаюсь. Игра продолжается.

Затем я снова откладываю телефон и плюхаюсь в кровать – досыпать. Проснулся слишком рано, только чтобы проводить взглядом Айлу. Ну хоть театрально-то получилось, да?

В голове крутится одна мысль: а что, если я её потеряю?

Не, не в романтическом смысле. Как девушка она мне, честно говоря, до лампочки. Но вот её источник силы... Тут другое дело. Я – светлый ведьмак. А собственной магии у меня – как у хомяка амбиций. В смысле, маловато.

Я высасываю её из Айлы – изо дня в день. Мои браслеты работают как идеальный пылесос: она ничего не чувствует, а я становлюсь сильнее. Её тьма превращается в свет – так и появились светлые ведьмаки, чтобы бороться с тьмой. Но я не герой. Я просто пользуюсь ситуацией.

Смогу ли я дальше жить без её магии?

Да я уже без неё как без кофе по утрам – вялый и бессмысленный. Когда уезжал на каникулы, накачал столько, сколько влезло – хватило до следующего визита. Прямо как в супермаркете перед кризисом: набрал всего, что мог унести.

Теперь вопрос: что делать с остальными девушками? Дать всем от ворот поворот? Или заколдовать их рты? Я читал про такое заклинание – но там нужен поцелуй. Ну, зацеловать полдюжины женщин – звучит как план на вечер пятницы, но боюсь, у меня не хватит сил даже на трёх.

Так что выбираю путь наименьшего сопротивления. Открываю мессенджер и пишу всем, кто сохнет по мне: «Всё. Между нами, ничего нет. У меня есть любимая. Отстаньте».

Отправляю. Один за другим. Без объяснений. Без намёков на возвращение. Пусть злятся. Пусть обижаются. Пусть разносят слухи.

Потому что скоро вся школа узнает, кто такая Айла.

Я сделаю так, чтобы её боялись. Чтобы никто не решился заговорить с ней, задать вопрос, намекнуть на что-то. Чтобы даже мысль о том, чтобы подойти к ней, вызывала холод в спине – и желание немедленно сбежать в другую вселенную.

Тогда она точно ничего не узнает.

Лежу, смотрю в потолок. В голове – расчёт, холодный и чёткий:

- сколько ещё я смогу тянуть её силу, не вызывая подозрений (надеюсь, дольше, чем мой телефон держит заряд);

- как долго продержится мой авторитет, если вдруг она всё поймёт (ну, хотя бы до конца семестра);
- что будет, если она решит уйти (в этом сценарии я, наверное, превращусь в унылого мага-неудачника).

Но я отгоняю эти мысли. Сейчас главное – контроль. Над ней. Над собой. Над всеми, кто может встать на пути.

Айла думает, что я люблю её.

Школа думает, что я король.

А правда...

Правда останется моей тайной. И, надеюсь, моим секретным оружием. Хотя, если честно, больше похоже на секретный способ выжить в мире, где магия – это всё, а у меня её вечно не хватает.

Ближе к обеду я наконец выхожу из своей комнаты, выспавшись, и спускаюсь по лестнице. Захожу в кухню: там уже вовсю готовится повар, на плите шкворчат и источают ароматы разные блюда. Быстро оглядываю выставленные на стол варианты: индейка на пару, тефтели, запечённые баклажаны в чесночном соусе. До вечера этот чеснок не быстро выветрится, – решаю про себя.

Указываю на тарелку с тефтелями и направляюсь в столовую. Там уже сидит мама – уткнулась в планшет, просматривает новости. Я сажусь напротив. Вслед за мной входит служанка: ставит передо мной тарелку, приборы, наливает травяной чай.

Я бросаю на неё взгляд, полный нескрываемого презре-

ния, словно говоря: «Убери эту дрянь». Она молча кивает, забирает чашку и ставит вместо неё стакан апельсинового сока.

Мама отрывается от планшета, смотрит на меня и поджигает губы. Но говорит сдержанно:

– Зря ты так. Этот чай... его мама твоей девушки приготвила. Он очень полезный – насыщает магию.

– Мне всё равно, что он делает, – отрезаю я, протыкая тефтелю вилок. – Он отвратительный на вкус.

Мама молчит несколько секунд, потом медленно откладывает планшет.

– Ты даже не попробовал.

– А зачем? Я знаю, какой он. Горький, травянистый, будто из аптеки.

Она вздыхает, но не спорит. Вместо этого спрашивает:

– Как Айла? Ты сегодня её проводил?

Я пожимаю плечами:

– Нет. Она рано ушла. А я... занят был.

– Занят, – повторяет мама, словно пробуя слово на вкус. – Всё время занят. А когда ты последний раз просто... поговорил с ней? Не по делу, не ради чего-то, а просто потому, что она тебе дорога?

Поднимаю бровь:

– Ты сейчас про любовь или про магию?

Мама чуть прищуривается, будто пытается разглядеть во

мне что-то, спрятанное за маской безразличия.

– Я сейчас про то, что ты, кажется, забыл: с людьми можно общаться не только ради выгоды. Даже если это твоя девушка.

Я демонстративно закатываю глаза:

– О-о-о, начинается лекция «Как быть нормальным человеком 101». Может, ещё конспект выдать?

Она не улыбается. Вообще. И от этого мой шуточный тон как-то сразу сдувается.

– Никита, – говорит она мягко, но с этой её фирменной интонацией, от которой хочется провалиться под стол, – ты когда-нибудь пробовал просто... спросить у человека: «Как твой день?» Не для того, чтобы потом использовать ответ в своих целях, а потому что тебе правда интересно?

– Конечно, пробовал! – бодро отвечаю я. – Вчера спросил у Лизы. Она сказала – «нормально». Я сказал – «окей». Всё, интерес удовлетворён.

Мама медленно выдыхает, словно подсчитывает в уме до десяти.

– А у Айлы ты спрашивал?

Пожимаю плечами:

– У неё тоже «нормально». Они все так говорят. Это же стандартный ответ на стандартный вопрос.

– А ты попробуй не стандартно, – настаивает она. – Например: «Айла, что тебя сегодня обрадовало?» Или: «Что тебя расстроило?»

Я фыркаю:

– Мам снова смеётся, а я ловлю себя на том, что улыбаюсь в ответ.

– Ладно, – говорю, – беги. А я... пойду.

Он машет рукой, разворачивается и вприпрыжку бежит к своему дому. Я смотрю ему вслед, потом снова на дом Айлы.

«Она бы гордилась им», – мысль приходит неожиданно, и я тут же гоню её прочь.

Солнце всё ещё жарит. Но теперь почему-то кажется, что его тепла мне мало. «Хотя бы ещё пять минут без этих детских вопросов... Но нет, судьба решила иначе».

Встаю, отряхиваю брюки и направляюсь к воротам. В голове уже вертится план: как бы так проверить завтрашнюю «экскурсию» для Амира, чтобы и его занять, и самому не вляпаться в очередную историю.

Но тут же одергиваю себя.

«Стоп. А никакой экскурсии не будет».

Завтра меня уже здесь не будет. Последняя неделя лета – и я уезжаю. Во Владивосток. Давно мечтал увидеть Тихий океан, а заодно – проверить, есть ли там что-то, способное удивить меня после всего, что я видел в Часовой школе.

Смотрю на свои наручные часы – на экране уже 18:00. Вторую половину дня провёл за компьютером, «убивая» зомби. Подмечаю, что Айла мне всё ещё не написала – и Кристин тоже. Ну, от неё-то понятно... А что, с первой-то? Забыла про меня? Может, что-то случилось?

«Кто я такой, чтобы думать о её безопасности? – мысленно фыркаю. – Напишет ещё. А если нет – напишу сам. Но не сейчас».

Встаю, подтягиваюсь так, чтобы все косточки прохрустели. Ох, уж не люблю я эти порталы – они отнимают слишком много магии. Но любимую увидеть тоже хочу...

Встаю в позу: раскидываю ноги, представляю в голове большой дуб в Калининграде. Направляю свою магию в пространство и чувствую, как капли магии высасываются из моих рук, направляются в одну точку, смешиваются с кислородом. В воздухе вспыхивает яркий свет, потом туманом рассеивается по всей комнате – но сама вспышка крутится водоворотом, мерцает, тянет к себе.

Я шагаю в портал. Внутри – тепло, всё бело, так ярко... После многочасового сидения за компьютером глаза болят и покалывают. Шагаю, наверное, минут пятнадцать – хотя в портале время властно, и никто не знает, сколько ты тут проводишь на самом деле. Наконец вижу выход.

Я уже стою, прислонившись к дубу. Осматриваю заповедник: вокруг прыгают зайцы, олени жуют травку, птички собираются улететь туда, где потеплее. А я всё ещё жду.

Вдруг Кристин обходит дуб и пугает меня – появляется с той стороны, откуда я совсем не ожидал.

– Ну что, дождался меня? – её голос низкий, чуть с хрипотцой.

– Если надо, буду ждать тебя вечно, – отвечаю, не сводя

с неё глаз.

– И ты правда будешь ждать меня вечно? – в её взгляде – вызов.

Она смеётся. Смех слишком заразителен – и я улыбаюсь ей в ответ, хотя внутри всё сжимается.

Подхожу ближе. Хочу её поцеловать. Она тоже тянется ко мне – но у самых моих губ шепчет:

– Неужели ты думаешь, что я поцелую тебя здесь? Пойдём туда, где нас никто не увидит.

– Мы же в чёртовом лесу, – бурчу я.

– Не в лесу, а в заповеднике. И здесь тоже есть люди, – её пальцы скользят по моей груди, медленно, нарочито медленно.

Я закатываю глаза, но киваю. Она берёт мою руку – я чувствую нежность её тонких пальцев, длинный маникюр с фиолетовым отливом. Поднимаю взгляд с наших рук на её глаза.

– Идём, – шепчет она.

Мы обходим дуб по кругу. Когда завершаем обход, оказываемся на том же месте – но энергия тут другая. Это параллельная вселенная в нашем понимании, но здесь мы точно одни: это вселенную создала Кристин.

– Ну же, теперь ты можешь меня поцеловать, – она смотрит на меня в упор, без тени улыбки.

Я долго ждать не собираюсь. Притягиваю её к себе, накрываю её пухлые губы своими. Целую жадно, настойчиво, чувствуя, как её тело отвечает на каждое прикосновение. Её

запах – ананасы, сладкие, дурманыщие.

Провожу рукой по её шее, зарываюсь пальцами в волосы, прижимаю ещё ближе – если это ещё возможно. Она не отстраняется, наоборот – впивается пальцами в мои плечи, будто боится, что я исчезну.

Её губы отрываются от моих лишь на секунду – и она шепчет:

– Ты думал, что сможешь просто прийти и получить то, что хочешь?

– А разве нет? – хрипло отвечаю, снова притягивая её к себе.

– Нет, – она усмехается, её глаза горят. – Ты получишь это, только если я решу, что ты достоин.

Её пальцы скользят вниз по моей спине, останавливаются у пояса. Я задерживаю дыхание.

– Докажи, что достоин, – шепчет она, и её голос звучит как приказ.

Я не отвечаю словами. Вместо этого целую её снова – глубже, жёстче, позволяя себе почувствовать каждую ноту её желания. Её тело дрожит в моих руках, но она не сдаётся, отвечает на поцелуй с той же страстью, с тем же голодом.

Время останавливается. Есть только её дыхание, её прикосновения, её тепло. Мир вокруг растворяется – остаются только мы двое, переплетённые в танце, где нет правил, только инстинкты.

Когда наконец отстраняемся, оба тяжело дышим. Её глаза

– тёмные, почти чёрные – смотрят на меня без тени прежней насмешки.

– Теперь ты знаешь, что значит ждать, – говорит она тихо.

– Но это стоило ожидания, – отвечаю я, проводя пальцем по её нижней губе.

Она улыбается – впервые по-настоящему.

– Может быть... – шепчет. – Но не думай, что это повторится так легко.

Я смеюсь, притягиваю её к себе ещё раз.

– Мне нравится, когда ты такая... требовательная.

– Это не требование, – она делает паузу, – это проверка.

Её взгляд пронзает, словно лезвие. Я чувствую, как внутри что-то дрожит – не страх, а что-то другое, незнакомое.

– Проверка на что? – спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– На то, готов ли ты играть по моим правилам. Или так и останешься тем, кто только берёт, но ничего не отдаёт.

Молчу. Слова застревают в горле. Её правда бьёт точнее любого заклинания.

– Подумай об этом, – добавляет она мягче. – А пока... пусть будет так.

И снова целует – на этот раз медленно, почти нежно. Так, что внутри всё переворачивается.

Глава:4 “ Одна сторона монеты”

Внутри портала я чувствую странные, неизвестные до этого мне ощущения. Порталами я никогда раньше не пользовалась – хоть было много возможностей. Но почему-то я не могла себе этого позволить. Возможно, дело было в моих браслетах: их на меня надел Никита со словами, что так будет безопаснее для меня и для окружающих. Родители поддерживали его идею. Я совершенно не сомневалась, что так нужно.

Но сейчас я, наверно, с самым грозным и страшным вампиром за всё время существования мира – нахожусь в полуметре от него в извилистом лабиринте под названием «портал». Тёплые чувства, которые я испытываю, меняются с каждым мгновением. Я не понимаю своих эмоций и ощущений физически. Я хочу поговорить об этом, поэтому, несмотря на всю грозность и холодность Виктора Владимировича, задаю ему вопрос:

- Почему я испытываю столько всего, пока иду по этому portalу?
- Потому что это мой портал.
- И что же это значит?
- Так и быть, я тебе отвечу на этот вопрос. Но остальное будь добра изучить в школе.

Я закатываю глаза и поворачиваюсь, чтобы он этого не ви-

дел.

– Каждый портал зависит от того, кто его создал. Сам я ничего не ощущаю, потому что это моя энергия – она живёт во мне. Но другие, кто входит в портал создателя, испытывают всю магию, всю энергию, вложенную в этот портал. Получается, каждый портал индивидуален. Ты испытываешь то, что я испытывал во время создания портала, и то, что чувствую, пока иду по нему. Не то чтобы меня это очень радовало, но такова суть порталов. Но этот слишком долгий, чтобы нам с тобой ещё можно было о чём-то поговорить.

Я так удивляюсь новой информации... Сколько же всего я не знаю об этом мире, в котором должна жить!

– Ваше слово ценнее всего. Чувствую, что вы не хотите его тратить попросту.

– Правильно чувствуешь. Но я понимаю твою растерянность, – он поправляет свой костюм и идёт дальше. Я ускоряю шаг.

Казалось бы, моя тяжёлая сумка должна мешать мне делать быстрые шаги, но внутри портала я совершенно не чувствую тяжести – как будто моя сумка невесома, и её легко таскать. Я также чувствую себя суперсильной, хотя это и не так.

Но молчание длится слишком долго, и я задаю единственный правильный вопрос в этой ситуации:

– Как долго нам предстоит идти?

Вампир тяжело вздыхает, но отвечает:

– Мы отправляемся из одной точки России в другую. Этот путь слишком сложный, и этот портал слишком далёкий: он отнимает много сил и времени. Но не переживай. Мы уже в пути около пяти часов. Если ты оглянешься вперёд, уже можешь заметить выход из него.

Я ахаю: как это возможно?! Для меня будто прошло полчаса. Ну и ладно. Смотрю вперёд и вижу чёрный лес. Это говорит о том, что на той стороне сейчас сумрак.

Что-то тянет меня туда – буквально, в физическом смысле. Меня высасывает из портала в другую сторону, в сторону леса. Это становится так резко, что я закрываю глаза и чувствую ощутимую боль в пятой точке.

Лес встречает нас плотной стеной высоких сосен с почти чёрными стволами. Ветви переплелись так густо, что сквозь них едва пробивается свет. Воздух здесь тяжёлый, пропитанный запахом хвои и влажной земли. Между деревьями мелькают призрачные блики – будто кто-то развесил невидимые зеркала, отражающие то ли свет, то ли чужие воспоминания. Под ногами – ковёр из мха, который при каждом шаге мягко светится тусклым зелёным светом.

Это не просто лес – это лес, где растут одни сосны, и такие гигантские, что я ахаю ещё раз. Внутри портала мне показалось, что ещё темно, но на самом деле это деревья перекрывают солнце, и поэтому внутри леса так темно.

Оборачиваюсь и вижу, что портал закрывается. Отвожу взгляд и вижу вампира – он крайне недоволен, в его взгляде

прямо читается злость.

– Ты можешь уже встать?

– Конечно.

Я встаю, попутно отряхивая попу от грязи, и мысленно надеюсь, что там ничего не осталось. Не хотелось бы уже с грязными джинсами появиться в школе в первый день – хоть она и пуста.

Тут же я понимаю, что вокруг только лес и никакой школы перед нами нет. Я начинаю потихоньку догадываться, почему вампир рядом со мной такой злой.

– Я не хочу, конечно, это признавать, но поняла слишком поздно: чужаков наша школа не любит. Ты должна раз быть там, чтобы попасть туда через портал. Поэтому мы оказались в чаще леса – думаю, за пару километров от школы. Я чувствую магию этой школы, так что мы не потеряемся и дойдём. Ну, это займёт ещё кое-какое время. Я, конечно, мог бы тебя оставить здесь и пусть ты сама добиралась до школы, а сам переместился через портал. Но у меня слишком много чести и достоинства, чтобы поступить как гадкий вампир.

– А-а-а... – я не знаю, что на это ответить, поэтому просто киваю.

Он разворачивается, и я только сейчас замечаю, что его костюм изменился: теперь это длинный плащ такого же чёрного цвета, изнутри красный, с воротником, устремлённым вверх – не знаю, как он называется, но такие часто носят вампиры на картинках. Я удивляюсь, что это правда, и пытаюсь

идти за ним, но он слишком быстрый. Тем более моя сумка стала заметно тяжелее.

– Подождите, я не умею так быстро идти!

– Думаю, тебе придётся научиться. Здесь все достаточно быстрые.

Мы идём по тропинкам. Здесь никто не ходит – тропы, скорее, оставлены дикими животными. Но в воздухе я чувствую не только свежий аромат леса и сосен, но и аромат магии. Это значит, что мы в другой параллели – сюда не смогут попасть обычные люди.

– Я понимаю, что вы не хотите разговаривать, но у меня столько вопросов...

Он останавливается, и я чуть ли не врезаюсь в него. Не поворачивается, тихо говорит:

– Ты можешь задать мне три вопроса. Я отвечу так, чтобы ты всё поняла. Но на этом – всё.

Я тщательно обдумываю каждый свой вопрос и решаю, что сначала мне надо понять, что за место это – параллель.

– Я чувствую магию в воздухе. Мы в параллельной вселенной?

Он усмехается – что очень будоражит меня: он обнажает клыки, и при такой суровой внешности это странно видеть.

– Дитя, какая параллельная вселенная? Ты что, из комиксов? Мы на территории соснового леса, который окружает Часовую школу. Его защищает барьер магии, чтобы люди не стремились сюда приходить. Но это не значит, что они не

приходят. Иначе как бы вампиры кормились? Для любопытных здесь много ловушек: даже если они доберутся до школы, они не поймут, что это за место. Когда мы доберёмся до неё, ты поймёшь, о чём я говорю.

Я чувствую себя смущённо. Вот повела себя как дурочка. Думаю: неужели я виновата, что ничего не знаю о том, что здесь происходит? Хотя про барьер я слышала... Но я решаю оставить эту тему и перейти ко второму вопросу.

– Почему именно вы пришли за мной? То есть я понимаю: вы директор школы, и мои родители потребовали, чтобы доказали, что меня позвали. Но вы же могли отправить кого угодно, а пришли сами. Неужели есть какая-то выгода для вас?

Теперь он оборачивается в мою сторону. В его взгляде – укол возмущения.

– Я уже говорил, что ты ценный персонаж. Тёмные ведьмы нечасто рождаются, чтобы терять тебя необразованной. Да, у меня есть свой личный интерес, но пока ты мне не можешь ничем помочь. Ну, я скажу так: придёт время, и ты не сможешь мне отказать. Мой тебе совет: если говорят не соваться туда, куда тебя не просят, лучше не суйся. Даже если попросят.

Я обдумываю его слова. Не знаю, сколько длится моё молчание – мы уже идём довольно долго. Я понимаю, что ужасно устала: обходить упавшие деревья, ветки, кусты – достаточно тяжело. Иногда я слышу шорох в кустах. Боюсь – не вол-

ки ли это? А может, медведи? Стараюсь отгонять эти мысли. Со мной всё-таки такой сильный вампир – он защитит меня. Раз я ему нужна, значит, я буду жива. Значит, у меня будет защита. Но чем же это мне обернётся? Решаю отложить этот вопрос на тот случай, когда мне это понадобится. Сейчас и так слишком много мыслей в голове – тем более его совет, который больше похож на угрозу, надо тоже обдумать.

– Можно я оставлю третий вопрос на тот случай, когда он мне действительно понадобится?

– Ты уже задала свой третий вопрос. Мой ответ – нет.

Мы продолжаем путь в молчании. Я стараюсь не отставать, но каждый шаг даётся всё тяжелее. Сумка, словно ожив, будто нарочно цепляется за ветки, а ноги то и дело проваливаются в мягкий мох, который уже не кажется таким гостеприимным.

Виктор Владимирович идёт легко, почти невесомо – ни одна ветка не хрустнет под его ногами, ни один сучок не помешает. Он словно скользит между деревьями, а я едва успеваю переводить дыхание, перелезая через поваленные стволы и уворачиваясь от острых сучьев.

Вдруг он резко останавливается. Я едва успеваю затормозить, чтобы не врезаться в его плащ.

– Прислушайся, – тихо произносит он, не оборачиваясь.

Я замираю, задерживаю дыхание. Сначала слышу только своё учащённое сердцебиение и шум крови в ушах. Потом – отдалённый шелест листьев, тихий треск где-то вдали... И

ещё один звук – едва уловимый, похожий на шёпот.

– Что это? – шепчу я, невольно придвигаясь ближе к вампиру.

– Лес говорит. Не всем дано слышать, – он медленно поворачивает голову, и в его глазах мелькает что-то странное, почти благоговейное. – Этот лес помнит всё. Каждого, кто прошёл по его тропам. Каждого, кто остался здесь навсегда.

По спине пробегает холодок. Я оглядываюсь – деревья словно придвинулись ближе, их ветви сплетаются над головой, образуя непроницаемый свод. Свет, пробивающийся сквозь листву, становится всё более тусклым, приобретая странный зеленоватый оттенок.

– Нам нужно ускориться, – резко бросает Виктор Владимирович. – Темнеет быстрее, чем я рассчитывал.

Он делает несколько широких шагов, и я, с трудом переставляя ноги, следуя за ним. Воздух становится гуще, тяжелее. Каждый вдох отдаётся эхом в лёгких, будто лес не хочет отпускать нас.

Внезапно впереди мелькает нечто причудливое – не просто пятно света, а... силуэт? Он движется между деревьями, то появляясь, то исчезая в тени.

Я мгновенно узнаю её: невысокая, приземистая фигура в одежде из мха и переплетённых корней. Лицо скрыто под капюшоном из ветвей, но в тени мерцают два янтарных глаза. Лешачиха. Жена лешего. Хранительница лесных границ. В детстве бабушка рассказывала мне о ней – как она проверяет

путников, поёт песни, от которых разум плывёт, а ноги сами идут вглубь чащи. Первое чувство – ледяной ужас. Он прошивает позвоночник, сковывает горло, не даёт сделать вдох. Всё внутри сжимается в тугой комок: кажется, если я шевельнусь, лешачиха тут же бросится на меня. Ноги становятся ватными, пальцы сами впииваются в рукав Виктора Владимировича – единственное, что сейчас кажется реальным и безопасным.

Потом приходит осознание: она видит меня. Этот взгляд сквозь ветви капюшона – пронзительный, всепроникающий – будто сканирует каждую мысль, каждую тайну, спрятанную в глубине души. Я чувствую себя обнажённой, будто лешачиха уже знает обо мне больше, чем я сама. От этого становится ещё страшнее – не за тело, а за разум, который может оказаться не моим уже через мгновение.

Третье – странное, противоестественное притяжение. Несмотря на ужас, я не могу оторвать взгляд от её мерцающих глаз. В них плещется что-то древнее, гипнотическое – как лунный свет на поверхности болота. В голове начинают роиться образы: мягкая трава, шелест листвы, тепло земли... Хочется опустить сумку, прилечь, закрыть глаза... Голос внутри шепчет: «Это покой. Это дом». Я с трудом подавляю порыв шагнуть вперёд – к ней, в эту зелёную бездну.

Четвёртое – гнев. Резкий, горячий, как удар пламени. Он вспыхивает внезапно, сжигая часть оцепенения. «Я не добыча! – мысленно кричу я. – Я не позволю ей забрать мой ра-

зум!» Этот гнев даёт силы сжать кулаки, упереться ногами в землю, остаться собой.

Пятое – растерянность. Я не знаю, как себя вести. Бабушка говорила: «Не смотри в глаза, не отзывайся, если зовёт, и ни за что не произноси её имя». Но сейчас эти советы кажутся хрупкими, как паутинка. Что, если она уже проникла в мои мысли? Что, если я уже делаю то, что она хочет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.